

Когда заливавший спальню белый свет угас, все увидели, что темные пятна, оставленные лихорадкой скверны на лице и теле Ливи, почти исчезли.

Тлетворный запах улетучился. Золотисто-бронзовая кожа женщины-демона разгладилась и вновь стала чистой, сохранив лишь едва заметные следы былых язв.

— Ливи! Ливи! Тебе лучше! Ты... ты и вправду поправилась?.. Ливи!

Двухметровый демон кинулся к кровати. Он потянулся было к лицу жены, желая ощутить тепло ее вновь здоровой кожи, но тут же испуганно замер, боясь навредить ей, еще столь хрупкой после болезни. Его огромная ручища так и осталась висеть в воздухе — он не решался ни опустить ее, ни убрать.

Поистине, даже у самых суровых великанов бьется нежное сердце.

— Судя по всему, кризис миновал, — подал голос Цю Юньань. — Когда я творил заклинание, прямо физически ощущал, как из нее вытягивается и растворяется вся эта дрянь.

Клод закивал, не зная, куда деть себя от счастья, и просто рухнул на колени перед постелью. Он во все глаза смотрел на жену, словно боясь упустить миг, когда она снова превратится в видение, и судорожно сжал ее ладонь в своих широких ладонях.

Спустя мгновение Ливи медленно приоткрыла глаза. Сонно, еще не до конца понимая, что происходит, она посмотрела на мужа:

— Я... я здорова? Ничего не болит. Сил маловато, конечно, но жар... жар ушел. Клод, неужели сам Сатана снизошел к нам?

Услышав ее слабый голос, Клод окончательно потерял самообладание. Слезы, до этого лишь блескующие в уголках глаз, хлынули ручьем по его суровому лицу.

Этот огромный, под два с лишним метра ростом, крестьянин-демон рыдал навзрыд, точно напуганный ребенок, и только крепче сжимал пальцы Ливи, боясь отпустить ее хоть на секунду.

Когда первый порыв рыданий утих, а к Ливи вернулось немного сил, Клод, утерев слезы, поспешно заговорил:

— Это все благодаря господину! Он почетный гость самого Повелителя демонов! Он буквально вырвал тебя из когтей смерти!

Договорив, демон резко обернулся к Цю Юньаню и, не поднимаясь с колен, трижды отвесил

ему глубокий, до самого пола, церемониальный поклон.

За время, проведенное в Обители демонов, Цю Юньань успел немного изучить здешние порядки.

Демоны по природе своей горды и своенравны. Хотя среди знати и существовали строгие правила этикета, простые жители редко снисходили до поклонов, а уж пасть ниц перед кем-то для них и вовсе было делом неслыханным.

Подобный жест означал лишь одно: глубочайшую, идущую от самого сердца благодарность и благоговение, когда обычных слов признательности катастрофически не хватает.

— Господин Цю Юньань! Вы спасли мою жену, спасли нашу семью! Отныне моя жизнь принадлежит вам! Приказывайте все, что угодно — я исполню любую вашу волю!

Юньань не знал, смеяться ему или плакать. Тронутый такой преданностью и искренней любовью супругов друг к другу, он мягко потянул Клода за плечо, помогая тому подняться на ноги.

— Полно тебе, не нужно никаких клятв. Для меня это пустяк, минутное дело. Живите спокойно, берегите друг друга — это будет лучшей благодарностью.

— Нет! Я обязан отплатить за ваше милосердие! — Клод уперся, проявив неожиданное упрямство, и наотрез отказался подниматься.

— Ну же, вставай.

— Не встану!

— Поднимайся, говорю тебе.

— И не подумаю!

— Ты же только что уверял, будто выполнишь любой мой приказ? Выходит, солгал?

— Ничего не знаю! Не встану, пока вы не примете мою службу! Раз вы отказываетесь, значит, и я с места не двинусь!

Юньань мысленно развел руками. Нашла коса на камень.

Кто бы мог подумать, что этот громила окажется столь изворотливым и упрямым спорщиком?

Юньань, конечно, грубо нарушил запрет Соловья и Бездны, которые строго-настрого запретили ему колдовать. Он не просто применил чары, но и задействовал куда более мощное исцеляющее заклинание, потребовавшее полноценного словесного ключа, в отличие от простенького очищающего заклинания.

Однако, прислушавшись к собственным ощущениям, никакой пугающей слабости или истощения он не обнаружил. Похоже, его организм вовсе не был таким хрупким, как уверяла Соловей.

«Пожалуй, можно будет повторить этот трюк при случае...» — подумал он.

Юньань задумчиво потер подбородок, окинув великана оценивающим взглядом, каким придиричивый покупатель осматривает тушу на рынке. Этот парень был силен, верен слову и, судя по всему, пользовался авторитетом среди местных.

— Значит, сделаешь все, что велю? — прищурился он.

— Клянусь! В лепешку расшибусь, но выполню!

— Ну хорошо.

Ноги у Юньаня уже начали затекать. Заметив это, Шут заботливо пододвинул ему стул. Юньань с облегчением опустился на сиденье, вальяжно закинул ногу на ногу и заговорил уже куда серьезнее:

— Есть тут одно дельце... Думаю, ты как раз тот, кто мне нужен.

Для жителей этого захолустного городка на окраине Города повелителя демонов утро началось как обычно.

Еще до того, как тусклое солнце Обители демонов показалось над горизонтом, крестьяне привычно потянулись к полям, неся на плечах нехитрый инвентарь. Им предстояло заняться унылым, повторяющимся изо дня в день делом — выкорчевывать и сжигать побеги, безжалостно сгубленные лихорадкой скверны.

Зеленых ростков на пашнях с каждым днем становилось все меньше. Каждый понимал: до жатвы доживет в лучшем случае одна тысячная от того, что было посеяно.

Да и само население городка таяло на глазах. Смерть уносила горожан куда быстрее, чем успевали рождаться дети. К этой безнадежности давно привыкли. Боль притупилась,

сменившись глухим онемением.

Вот и сегодня крестьяне молча срезали почерневшие, гнилые ветви, пытаясь уберечь те жалкие крохи урожая, что еще цеплялись за жизнь.

Обычно шумный и деятельный Клод на поле не появился, но никто его не винил. Все знали, что его любимая Ливи слегла с лихорадкой скверны.

Коварный недуг долгое время никак не проявлял себя, но стоило появиться первым язвам на коже, как дни больного оказывались сочтены. Все прекрасно понимали: несчастной женщине осталось от силы неделя-другая. Зная, как сильно Клод любит жену, никто не смел тревожить его расспросами, позволяя супругам провести вместе последние отведенные им дни.

Во время короткого перерыва над полем висела тяжелая, гнетущая тишина. Никто не тянулся к картам, не заводил пустых разговоров и не травил байки.

Во-первых, не хватало их главного балагура, задававшего тон любой беседе. Во-вторых...

Каждый втайне думал о том, кто станет следующим. Чья семья потеряет кормильца или ребенка? Не придет ли завтра беда в его собственный дом?

Кое-как раскидав несколько партий в гробовом молчании, один из демонов наконец не выдержал и негромко произнес:

— Как там Клод, интересно...

— Да как тут будешь... — со вздохом отозвался другой. — Такое горе не всякий перенесет. С его-то горячим нравом... Боюсь, как бы глупостей не наделал, если Ливи не станет.

Над компанией вновь повисло молчание.

Тягостный покой нарушил звонкий, раскатистый голос, донесшийся со стороны дороги:

— Эй! Вы чего тут носы повесили? Чего за картами киснете, будто на собственные похороны собрались? Сатана бы вас покарал за такое неумение радоваться жизни!

— Клод?! — в один голос выдохнули крестьяне.

Все как один обернулись, не веря собственным ушам.

По тропинке шагал Клод, таща за собой груженную садовым инвентарем трехколесную

тележку. Но самое удивительное — в тележке сидел пассажир!

Незнакомец вольготно устроился среди лопат и грабель, лениво подперев щеку ладонью, и дружелюбно помахивал изумленной толпе свободной рукой.

Приглядевшись, крестьяне узнали его — это был вчерашний гость самого Повелителя демонов!

Никто не ожидал увидеть высокопоставленного столичного гостя здесь снова. Клод, вечно со свистом носившийся по ухабам так, что лопаты в его телеге грохотали на всю округу, сегодня ступал на удивление плавно, будто вез хрустальную вазу.

Он бережно огибал каждую рытвину, аккуратно переступал через камни и то и дело заботливо оглядывался назад:

— Не сильно трясет, господин? Если что, вы говорите, я потише буду.

Цю Юньань лишь со смехом отмахивался:

— Да все в порядке, Клод, не переживай ты так. Иди спокойно.

Получив одобрение, демон расплывался в улыбке и благоговейно шагал дальше.

— Ну ты даешь... — пробормотал один из приятелей.

Остальные недоуменно переглядывались. По лицу Клода вовсе не было видно, что он раздавлен горем. Напротив, он так и светился изнутри.

Наконец кто-то решился задать вертевшийся у всех на языке вопрос:

— Ты чего на поле прибежал? А как же Ливи? Ей разве уход не нужен?

Клод заливисто расхохотался. Его белозубая улыбка в этих вечных серых сумерках сияла так ярко, словно способна была разогнать ядовитый туман.

— Да поправилась моя Ливи! Полностью исцелилась! Хоть сейчас на танцы отправляй. Полежит еще денек-другой для приличия и пойдет на работу устраиваться!

— Да ладно?! Быть не может! — ахнули мужики. — Значит, это была обычная простуда, а вовсе не лихорадка скверны? Ну и повезло же тебе, дружище! А мы-то уже мысленно тебя хоронить собрались...

Все искренне радовались за друга. Клод покачал головой и серьезно возразил:

— Нет, это была самая настоящая лихорадка. Но в одном вы правы — мне действительно чертовски повезло.

Крестьяне недоуменно переглянулись.

Клод тем временем повернулся к Юньаню, который как раз спрыгнул с телеги, и с благоговением произнес:

— И за это чудо я по гроб жизни обязан господину Цю Юньаню. Он применил магию света и выжег заразу дочи́ста.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Поле замерло. Известие о том, что смертельную болезнь можно победить, потрясло их куда сильнее, чем новость о выздоровлении Ливи.

— Магия... света? — ошарашенно протянул кто-то. — Да откуда у нас свет? Это же штучки тех пернатых ублюдков с небес...

— Клод, ты это... — Друг сочувственно похлопал его по плечу. — Мы все понимаем, горе затуманило тебе разум. Но жизнь продолжается, надо как-то справляться...

— Сходил бы ты к знахарю нашему, а? Пусть травку какую успокоительную пропишет...

— Да вы что, с дуба рухнули? — возмутился Клод. — Какое еще горе? Я вам дело говорю!

Юньань, стоявший позади него, не выдержал и негромко рассмеялся. Похоже, для здешних обитателей само словосочетание «магия света» звучало настолько дико, что они скорее готовы были поверить в безумие товарища, нежели в свершившееся чудо.

Сделав шаг вперед, он мягко произнес:

— Он не сумасшедший. Ливи действительно здорова, и на ноги ее подняла именно магия света.

— Ну... господин... при всем уважении, вы ведь личный гость Повелителя демонов... — замялись крестьяне.

— Вот именно. Клод сейчас сам не свой от переживаний, не стоит потакать его бредням. Зачем давать человеку ложную надежду?

Было очевидно, что простые работяги не верят ни единому его слову.

— Да как вы смее сомневаться в словах господина Цю Юньаня! — взревел Клод, багровея от злости и заслоняя собой юношу. — Я собственными глазами видел! Он спас ее! Спас!

— Все в порядке, Клод, — Юньань примиряюще похлопал великана по напряженной спине, под ладонью отчетливо проступили вздувшиеся от гнева вены. — Оставь их. Я ведь пришел сюда как раз для того, чтобы доказать свои слова на деле. Скоро они сами все увидят.

Демоны растерянно наблюдали за тем, как парень легкой, почти невесомой походкой направляется прямо к центру вспаханного поля.

— Ой-ёй-ёй, господин, аккуратнее! — взмолился один из стариков. — Ради всего святого, осторожнее! Там же наши росточки, мы их по крупичкам выхаживали... Не растопчите!

Здесь же все были простыми, простодушными работягами. Гостя Повелителя демонов они приняли радушно, но смотреть, как под его ногами могут погибнуть последние уцелевшие крохи будущего урожая, им было невыносимо больно.

— Ах, простите, простите! — Юньань обернулся и с улыбкой помахал им рукой, призывая успокоиться. — Не переживайте, очень скоро они пойдут в рост.

Клод тут же зычно поддержал его:

— Да не орите вы под руку! У господина все под контролем!

Правда, каков был этот самый «контроль», Клод и сам понятия не имел.

Крестьяне лишь безмолвно переглянулись, застыв в крайнем замешательстве.

<http://bllate.org/book/20304/2140063>